

4. Материалы к Хронике жизни Г. В. Плеханова

С. В. Тютюкин

Политическая драма Г. В. Плеханова*

Георгий Валентинович Плеханов не был государственным деятелем, харизматическим лидером или создателем очередного идеологического «изма». Но уже одно то, что Плеханов являлся одним из основателей российской социал-демократии и таким образом оказался косвенно причастным к октябрьским событиям 1917 г., повлиявшим на судьбы не только своей страны, но и всего мира, делает его фигурой, несомненно, исторически значимой.

Плеханову выпало жить на рубеже двух эпох всемирной истории — эпохи стремительного эволюционного прогресса второй половины прошлого столетия и бурной эпохи войн и революций века нынешнего, когда его родина — Россия встала на путь грандиозных социальных экспериментов. На глазах Плеханова прошли такие переломные моменты отечественной истории, как отмена крепостного права, утверждение российского капитализма, революция 1905—1907 гг., Первая мировая война, свержение самодержавия,

* Впервые опубликовано: Тютюкин С. В. Политическая драма Плеханова // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 124—163. Публикуется с сокращ.

Октябрь 1917 г. и начало Гражданской войны. Плеханов был участником семи конгрессов II Интернационала, трех съездов РСДРП, встречался с Ф. Энгельсом и К. Каутским, Ж. Гедом и П. Лафаргом, А. Бебелем и Р. Люксембург, П. Л. Лавровым и П. А. Кропоткиным, В. И. Лениным и Л. Д. Троцким.

Чего только не было в его не очень долгой — всего 61 год, — но насыщенной событиями жизни! В молодости ему приходилось тайно переходить границу и спать с револьвером под подушкой, учиться владеть кинжалом и кастетом, незаметно ускользать от полиции, ежедневно менять конспиративные квартиры. Плеханову довелось изведать нужду, граничившую с нищетой, пережить смерть троих своих маленьких детей, 37 лет находиться вдали от родины в вынужденной эмиграции. Больше половины жизни его мучила тяжелая, ставшая хронической болезнью — туберкулез, который в конце концов и свел его в могилу.

До сих пор не издано полное собрание сочинений Плеханова, но совершенно очевидно, что оно могло бы составить несколько десятков томов. В сферу его интересов входили философия и история, экономика и право, литературоведение и эстетика. Не получив систематического высшего образования, он благодаря своему трудолюбию и неутолимой жажде знаний стал одним из образованнейших русских интеллигентов своего времени, получивших международное признание.

Личность Плеханова глубоко противоречива. С одной стороны, перед нами достаточно жесткий и твердый политик-марксист, никогда не ставивший под сомнение идею диктатуры пролетариата, и убежденный в том, что рабочий класс, «этот носитель великой идеи нашего времени, может топтать ногами все *отжившее* и пользоваться всем *существующим* для своей великой цели»*. С другой — это убежденный противник большевизма и ленинизма, считавший Октябрь 1917 г. роковой ошибкой и еще в 1904 г. предупреждавший о неизбежном, по его мнению, перерождении большевиков в заговорщическую секту. Характерно и другое: ярый противник ревизионистской «ереси», одним из первых объявивший войну не на жизнь, а на смерть Бернштейну, Плеханов сам в 1917 г. пришел к мысли о необходимости национального примирения во имя сохранения великой России. Наверное, именно поэтому к наследию Плеханова обращались и обращаются как защитники марксизма, так

* Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. М.; Л., 1926. С. 395.

и его ниспровергатели, причем последние с особым удовлетворением говорят о запоздалом, но отрадном «прозрении» этого выдающегося человека.

Не подлежит сомнению и тот факт, что Плеханов был глубоко трагической фигурой российской истории: его уникальный талант во многом остался невостребованным, а научные замыслы — до конца не реализованными. Далекими от идеалов «отца русского марксизма» оказались и Октябрьская революция, и советская власть, и политика большевиков-ленинцев.

Жизнь Плеханова трудно вместить в рамки журнального очерка. Поэтому мы сосредоточим свое внимание на идейной эволюции и политической деятельности этого видного революционера в первые два десятилетия XX в., поскольку они менее известны широкому читателю, требуют значительной переоценки и вместе с тем позволяют поставить некоторые общие вопросы, сохраняющие актуальность и в наши дни*.

Становление революционера

Георгий Валентинович Плеханов родился 29 ноября (11 декабря) 1856 г. в самом центре Европейской России, на Тамбовщине, в мелкопоместной и многодетной дворянской семье. Детские и отроческие годы Георгия прошли в деревне среди крестьянских ребятишек, без гувернеров и барского «баловства». На всю жизнь запомнил он картины родной среднерусской природы, воспетой Тургеневым, тяжелый крестьянский труд, душевную красоту и доброту простых русских людей. Мальчик рос самостоятельным, смелым, физически крепким и выносливым.

Родители его были очень контрастной по возрасту, характеру и интеллекту супружеской парой: отец, Валентин Петрович, был отставным военным, малоудачная служебная карьера которого оборвалась довольно рано, так как начальство не слишком жаловало прямодушного, резкого и гордого штабс-капитана.

* Подробнее о жизненном пути Г. В. Плеханова см.: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977; Бережанский А. С. Г. В. Плеханов: от народничества к марксизму. Воронеж, 1990; Varon S. Plekhanov: the Father of Russian Marxism. Stanford, 1966; Jena D. Georgi Valentinovitsch Plechanow: Historische-Politische Biographie. Berlin, 1989; и др.

Убежденный монархист и крепостник, Плеханов-старший не принял реформу 1861 г., новые либеральные порядки, постоянно фрондировал властям, был строг, а нередко и жесток с крестьянами. Георгий унаследовал от отца огромное трудолюбие, сильный, независимый характер, резкость суждений, страсть к строгому порядку в мыслях и делах, решительность и смелость. Вместе с тем к нему перешли и такие отцовские качества, как придиричливость и излишний педантизм, обидчивость, раздражительность, некоторая мелочность и злопамятность, ярко проявившиеся в зрелые годы Георгия Валентиновича, особенно в старости.

Очень благотворным было влияние матери, Марии Федоровны, доброй, мягкой и образованной по тем временам женщины, целиком посвятившей себя дому и детям (а их было у нее семеро). Она сама учила своего первенца Георгия русскому и французскому языкам, арифметике, много читала ему. Именно матери обязан был Плеханов тонкостью и артистизмом своей натуры, отзывчивостью к любым проявлениям социальной несправедливости.

Говоря о начальном периоде в жизни нашего героя, нужно подчеркнуть, что он совпал с отменой крепостного права и целое полосой либеральных реформ Александра II, которые, несмотря на свою непоследовательность и незавершенность, означали для России огромный шаг вперед в процессе коренного обновления и перестройки всех сторон материальной и духовной жизни общества. Старая средневековая система отмирала буквально на глазах, но новое, как всегда, рождалось мучительно трудно, с большими жертвами и издержками как для народа, так и для верхов. Глубокие трещины дали такие столпы обществ венного порядка, как идея самодержавной власти царя, религия, патриархальная семья, повсюду поднимал голову нигилизм. Все эти сложные, противоречивые процессы в жизни нации нашли отражение в судьбе молодого Плеханова, в становлении его как личности и гражданина.

Сначала Георгий всерьез думал о военной карьере и настоял на том, чтобы его отдали учиться в Воронежскую военную гимназию. Там он получил неплохую подготовку по всем гуманитарным дисциплинам, особенно по литературе и истории, приобщился к либерально-демократическим идеям, встал на путь атеизма. Незадолго до окончания гимназии Георгий был даже подвергнут кратковременному аресту с содержанием в карце-

ре за чтение недозволенных книг, а его поведение оценивалось лишь восьмеркой по 12-балльной шкале.

1873 г. внес в жизнь Георгия большие перемены: умер от чахотки отец, завершилась учеба в военной гимназии и осенью стал юнкером Константиновского артиллерийского училища в Петербурге. Однако уже через несколько месяцев Плеханов понял, что ему не стоит связывать свою судьбу с армией, и добился отчисления из училища (это потребовало даже обращения к наследнику престола). Можно предположить, что не последнюю роль сыграли здесь и те настроения, которые царили тогда в столичной студенческой среде: напомним, что именно весной 1873 г. началось знаменитое «хождение в народ», в котором приняли участие лучшие представители демократически настроенной российской молодежи.

Зиму и лето 1874 г. Георгий провел у матери, а осенью вновь покинул стены родного дома. Успешно сдав экзамены, он поступил в престижный Горный институт в Петербурге. По итогам учебы на первом курсе он получил именную Екатерининскую стипендию, причем с особым увлечением занимался химией. Однако в накаленной общественно-политической атмосфере середины 70-х гг. XIX в. Плеханов с его деятельным характером и демократическими убеждениями не мог долго оставаться студентом-«академистом», для которого существуют только лекции, лабораторные работы и библиотека. Зимой 1875–1876 гг. он познакомился с революционерами-народниками и петербургскими рабочими, интенсивно изучал отечественную и зарубежную литературу по общественным вопросам, участвовал в студенческих диспутах.

Плеханов жадно впитывал идеи Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева и Н. К. Михайловского, П. Л. Лаврова и М. А. Бакунина, Адама Смита и П. Прудона, познакомился с некоторыми работами К. Маркса. Постепенно Георгию стало ясно, что его симпатии тяготеют к бакунистам-бунтарям с их идеалами российской и европейской народной революции, анархии, общественного самоуправления и коллективизма. Вместо занятий в Горном институте Плеханов все чаще посещал революционные сходки, вел занятия в рабочих кружках, распространял нелегальную литературу. В марте 1876 г. он получил и свое первое боевое крещение: его задержали на улице, обыскали и допросили в полиции, но за отсутствием улик вынуждены были отпустить на свободу.

Внутренняя предрасположенность Плеханова к восприимчивости народнической идеологии, мощное влияние новой, разнотчинской среды, в которой он вращался в столице, отрыв от семьи, атеизм — все это способствовало быстрой радикализации его политических взглядов. В том же 1876 г. в жизнь Георгия ворвалась и первая юношеская любовь. Наталья Александровна Смирнова была старше Плеханова, ждала ребенка от одного из участников революционных кружков и относилась к Георгию несколько свысока, но все это не остановило влюбленного студента. Бурный роман завершился в октябре церковным браком, оказавшимся, однако, несчастливым и очень непрочным. Весеннюю экзаменационную сессию 1876 г. Плеханов провалил. Во время летней поездки к матери, которая жила с младшими детьми в Липецке (ныне в этом доме открыт музей), у них состоялось тяжелое объяснение: Мария Федоровна пыталась вразумить сына, но было уже поздно.

Революционная работа поглощала теперь все время Георгия, прочно связавшего свою судьбу с народнической организацией «Земля и воля». 6 декабря 1876 г. во время демонстрации с участием студентов и рабочих, состоявшейся у Казанского собора в Петербурге, он произнес короткую, но яркую речь, призвав к борьбе за землю и волю для всех людей труда. Над толпой демонстрантов взвилось красное знамя. Ускользнув от полиции, Плеханов вынужден был перейти на нелегальное положение и фактически стал профессиональным революционером. За ним надолго закрепилась подпольная кличка Оратор, свидетельствующая об успехе его первого публичного политического выступления.

В начале 1877 г. товарищи решили нелегально отправить Плеханова на несколько месяцев за границу, чтобы сбить со следа разыскивавшую его полицию и дать Георгию возможность ближе познакомиться с социалистическим движением в Западной Европе. Вместе с женой Н. А. Смирновой он побывал в Швейцарии, Германии и Франции, где лично познакомился в Париже с одним из духовных отцов русского народничества Петром Лавровым, вынужденным еще в 1870 г. бежать за границу. Кстати говоря, немецкое рабочее движение не произвело тогда на Плеханова большого впечатления: оно показалось ему слишком умеренным в своих требованиях, что не помешало, впрочем, Бисмарку в 1878 г. объявить немецких социал-демократов вне закона.

Летом 1877 г. с помощью контрабандистов Плеханов тайно перешел границу и вновь оказался на родине. К этому времени он уже был отчислен из Горного института и решил устроиться по чужому паспорту сельским учителем в Саратовской губернии, которая со времен Разина и Пугачева считалась в России «бунтарским» краем. Однако осуществить этот план не удалось, и, пробыв несколько месяцев в Саратове, молодой революционер вернулся в Петербург.

В конце декабря 1877 г. он подтвердил свою репутацию талантливого революционного оратора, выступив на похоронах поэта Н. А. Некрасова, которого радикально настроенная молодежь ставила в то время даже выше Пушкина. Одновременно Плеханов возобновил и расширил свои старые связи с петербургскими рабочими, являвшимися, по мнению членов «Земли и воли», самой развитой и социально активной частью российского крестьянства, для которого и с помощью которого революционеры-народники и хотели совершить революцию. Так, он написал прокламацию в связи с гибелью по вине администрации нескольких рабочих патронного завода (декабрь 1877 г.) и листовку по случаю забастовки рабочих-текстильщиков Новой бумагопрядильни (март 1878 г.). Во время последней стачки Плеханов опять подвергся аресту, но ему снова повезло, и уже через день он был на свободе.

Георгий Плеханов стал автором и еще одной яркой революционной листовки, «К русскому обществу», выпущенной «Землей и волей» после того, как суд присяжных вынес 31 марта 1878 г. оправдательный приговор по делу Веры Засулич, совершившей покушение на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, по приказу которого был наказан розгами заключенный революционер Боголюбов. А летом 1878 г. Плеханов снова отправился «в народ» — на этот раз на Дон, где начались казацкие волнения, позволявшие революционерам надеяться на возможность большого народного восстания. Но когда через несколько месяцев он вернулся в столицу, чтобы отпечатать там воззвание к казакам и взять с собой подкрепление для расширения масштабов революционной работы, оказалось, что ему придется остаться в Петербурге и заменить нескольких арестованных товарищей.

Весной 1879 г. после неудачного покушения А. Соловьева на Александра II в народнических кругах большую остроту приобрел вопрос о цареубийстве как первом шаге на пути к радикальному изменению всего общественно-политического строя

России. Нужно сказать, что Плеханов не видел в политическом терроре как таковом ничего аморального, считая, что революционеры имеют полное право применять его в качестве ответной меры на репрессии со стороны правительства. Об этом он прямо писал, в частности, в упоминавшейся выше статье «Закон экономического развития общества...». До Плеханова речь шла лишь о целесообразности или нецелесообразности того или иного террористического акта, а не о допустимости или недопустимости террора как средства политической борьбы. Именно с этих позиций подошел он и к решению части членов «Земли и воли», среди них были друг Плеханова Александр Михайлов, Андрей Желябов, Софья Перовская, сосредоточить основные усилия этой организации на подготовке покушения на царя. По мнению Плеханова, в обстановке апатии крестьянских масс и слабости рабочего и либерального движений убийство царя не привело бы к изменению существующего строя, а вызвало бы лишь сокрушительные удары полиции по «Земле и воле» и полный паралич ее революционной деятельности. На этой почве и произошел разрыв Плеханова с землевольцами на их воронежском съезде, состоявшемся летом 1879 г.

Осенью в результате раскола оформились две параллельные народнические организации: «Народная воля», державшая курс на цареубийство, и «Черный передел» во главе с Плехановым, выступавший за продолжение агитационно-пропагандистской работы среди крестьян, рабочих и демократической интеллигенции. Вместе со своей новой женой — курсисткой Розалией Марковной Боград — Плеханов поселился под чужим именем в Петербурге, занимаясь в основном подготовкой первого номера нелегального журнала «Черный передел». Однако в январе 1880 г. в связи с угрозой ареста он вынужден был по настоянию товарищей нелегально покинуть Россию и направился в Швейцарию, ставшую к тому времени одним из главных центров российской революционной эмиграции.

Группа «Освобождение труда»

Плеханов и его товарищи поставили перед собой двудединую задачу — распространение идей марксизма путем перевода на русский язык, издания и транспортировки на родину книг и брошюр с текстами произведений Маркса и Энгельса и марксистский анализ современной социально-экономической и по-

литической ситуации в России. Тем самым предстояло подготовить почву для будущей российской марксистской рабочей партии, которая должна была возглавить революционное движение в России. При этом Плеханов был бесспорным лидером новой организации: он явно превосходил других членов группы талантом теоретика-аналитика, литературным мастерством, работоспособностью, твердостью характера. Поэтому решающее слово при обсуждении всех спорных вопросов неизменно оставалось за ним.

Если учесть, что в 1884–1885 гг. группа «Освобождение труда» потеряла двух своих членов-учредителей — Дейч был арестован в Германии, выдан царскому правительству и сослан в Сибирь, а Игнатов умер — и пополнения ее практически не было, то нужно признать результаты деятельности Плеханова, Аксельрода и Засулич в 1880–1890-е гг. очень значительными. Полностью или в отрывках ими было издано более 20 важнейших теоретических трудов Маркса и Энгельса, пять сборников «Социал-демократ», три книги журнала «Работник» и десять номеров «Листка “Работника”», десять выпусков «Рабочей библиотеки», а также многочисленные работы членов группы, Ленина, Мартова и других авторов. Кроме того, группа, несмотря на постоянные материальные трудности и недостаток связных, вела большую работу по установлению контактов с Россией, с 1889 г. регулярно представляла марксистов России на конгрессах II Интернационала, поддерживала связи со многими социалистическими партиями Запада. Руководящая роль во всех этих начинаниях принадлежала Плеханову.

Идейным манифестом первой организации русских марксистов стали работы Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1884) и несколько вариантов написанной им программы группы «Освобождение труда» (1883–1885). Все работы Плеханова того времени носили ярко выраженный полемический характер и были посвящены критике народничества и особенно народофильства. Одновременно он излагал свой взгляд на социально-экономическую и политическую ситуацию в России и перспективы ее дальнейшего развития, намечал линию поведения последователей Маркса в российских условиях. И не будет преувеличением сказать, что сумма этих концептуальных положений составила очень важную часть идейного багажа всего первого поколения наших отечественных марксистов.

В истории древней и средневековой России, по мнению Плеханова, было очень много общего с историей великих восточных деспотий — Египта, Персии, Китая, и ей предстоял еще довольно длительный процесс приобщения к европейской цивилизации, который в ближайшем обозримом будущем должен был развиваться на базе капитализма. «За капитализм вся динамика нашей общественной жизни»*, — делал вывод Плеханов, рассматривая при этом капиталистический строй как естественную необходимую ступень на пути к социализму, когда Россия окончательно станет современным цивилизованным государством.

Народовольческой модели соединения социалистического и демократического переворота при иницилирующей роли тайной революционной интеллигентской организации Плеханов противопоставил идею стадийного развития революционного процесса, при котором демократическая и социалистическая революции следуют друг за другом с определенным интервалом, причем совершают их сами народные массы под руководством марксистской рабочей партии. Главной движущей силой обеих этих революций и центром притяжения всех прогрессивных элементов российского общества Плеханов стал пролетариат и его социал-демократический марксистский авангард. «Разумеется, — вспоминал позже он, — мы не могли не видеть, что в то время, когда мы начинали свою пропаганду марксизма, наше рабочее движение находилась еще в состоянии зародыша... Самое главное — мы были твердо убеждены, что пока не окрепнет и не созреет пролетариат, нечего и думать о падении нашего абсолютизма»**.

Важное место в концепции Плеханова занимала идея «паузы» между демократической и социалистической революциями, во время которой в условиях очищенного от пережитков Средневековья капитализма будут постепенно вызревать экономические, политические и социокультурные предпосылки перехода к социализму. Что касается продолжительности этой паузы, то здесь взгляды Плеханова менялись: в 1880-е гг. он считал, что господство российской буржуазии не может быть продолжительным, а в середине 1890-х и позже был убежден, что Россия нескоро покинет путь капиталистического разви-

* Плеханов Г. В. Соч. Т. II. М., 1924. С. 170.

** Там же. Т. XIX. М., 1926. С. 241.

тия, начавшийся для нее после 1861 г.* Так или иначе, любые скоротечные и преждевременные социалистические эксперименты он считал опасным авантюризмом, который может лишь дискредитировать саму идею социализма и привести установлению грубых казарменно-коммунистических порядков; подмене власти народа властью новой бюрократической элиты и даже к деградации нации. Не случайно одним из важнейших критериев готовности данного общества к социалистической революции, по его мнению, должен был стать высокий уровень сознания и самосознания пролетариата, обеспечивающий возможность участия в управлении всеми сферами общественной жизни не только социал-демократических партийных функционеров, но и всей массы рядовых рабочих.

Характерно, что эти трезвые предостережения, развивавшие известную мысль Энгельса из работы «Крестьянская война в Германии» о губительных последствиях преждевременного захвата власти революционной партией, прозвучали еще на заре становления русского марксиста, в первой половине 1880-х гг., но были проигнорированы и в 1917 г., и в годы «военного коммунизма», и особенно во времена сталинщины с их идеалами «патриархального и авторитарного», говоря языком Плеханова, коммунизма и господством над народом новой «социалистической» касты**. В другом месте он метко называл подобный строй «политическим уродством», «обновленным царским деспотизмом на коммунистической подкладке»***.

Плеханов не питал больших иллюзий относительно революционных и тем более социалистических потенциалов российского крестьянства, но отнюдь не отлучал его, как и нарождавшуюся либеральную буржуазию, от освободительного, антиабсолютистского движения, рассматривая эти две силы как вполне реальных союзников рабочих в борьбе с самодержавным режимом. Что касается социалистической революции, то и в то время пролетариат, по прогнозам Плеханова, мог рассчитывать на поддержку со стороны деревенской бедноты. Важную роль в освободительной борьбе отводил он также интеллигенции, но полагал, что реальной политической силой она станет

* См.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956. С. 110, 353, 713.

** Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. С. 105.

*** Там же. С. 323.

только вместе с революционным народом, в первую очередь с рабочими.

Логическим завершением плехановского анализа общественно-политической ситуации в России в последние десятилетия XIX в. был его вывод об особой роли пролетариата как гегемона-авангарда, инициатора освободительного движения, выразителя интересов всех трудящихся в прогрессивном развитии страны в целом. Сам термин «гегемон» применительно к освободительному движению закрепился за пролетариатом в марксистских кругах России позже, уже в начале XX в., в первую очередь благодаря работам Плеханова и Ленина, хотя авторами идеи «гегемонии» в 1880—1890-х гг. XIX в. были Плеханов и П. Б. Аксельрод.

В «Наших разногласиях» Плеханов в первый и, к сожалению, в последний раз в своей жизни дал развернутый, подкрепленный многочисленными статистическими выкладками анализ состояния российской экономики, что придало его выводам о развитии капитализма в городе и деревне убедительность и доказательность. Что касается программных документов группы «Освобождение труда», то в общем и целом они стояли на уровне программ тогдашних социалистических партий Западной Европы. В них провозглашалось, что конечная цель социал-демократии состоит в торжестве коммунистической революции и полном освобождении труда от гнета капитала. Эта революция считалась возможной лишь при условии участия в ней всех или по крайней мере нескольких цивилизованных стран (заметим, что в дальнейшем идея мировой или европейской революции не играла сколько-нибудь значительной роли в теоретических построениях Плеханова). В России ближайшей целью рабочей партии, которую еще предстояло создать, было завоевание конституции и осуществление ряда общедемократических преобразований, подробно перечисленных в программе. Ее аграрный раздел формулировался довольно абстрактно: «радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ»; право свободного выхода из общины и т. д., что объяснялось в первую очередь неясностью общей ситуации в деревне и слабостью крестьянского движения*.

* Там же. С. 380.

Разумеется, в исторической ретроспекции к первым марксистским работам Плеханова можно предъявить достаточно много претензий: отсутствие четкой и развернутой постановки вопроса о типе капиталистического развития России и его особенностях по сравнению со странами Запада; сведение российской отсталости к чисто количественным показателям без достаточного учета особого места нашей страны в мировой цивилизации и абсолютизация на этой почве идеи «догоняющего развития» России; известная идеализация пролетариата; недостаточное внимание к аграрно-крестьянскому вопросу; необоснованный оптимизм в отношении позиции либеральной буржуазии; допущение террора.

Можно было бы, наверное, пожелать ему большей широты взглядов, меньшей прямолинейности в его неукротимом «западничестве», лучшего понимания России. Но не будем забывать, что Плеханову было в то время неполных 30 лет, что в России, говоря словами Льва Толстого, все еще только начинало «укладываться» после реформ 1860—1870-х гг. на новый лад и что она всегда была страной крайностей во всем, включая ее революционную мысль и революционное дело. А если это так, то будем справедливы к нашему герою, который при всех своих выдающихся способностях оставался сыном своего времени и своей страны и отражал особенности среды, где он сформировался и действовал.

В основном же прогноз Плеханова на ближайшее будущее России был достаточно точен: развитие капитализма, европеизация страны, подготовка демократической революции. Правда, кое в чем, и весьма существенном, жизнь поправила Плеханова. Так, не оправдались его предсказания о скором крахе крестьянской общины, пережившей не только реформы Столыпина, но и Октябрь 1917 г. Не дошли до разрыва вплоть до Февральской революций отношения между царизмом и российской буржуазией. Да и процесс пролетаризации населения шел в России не так быстро, как это представлялось вначале Плеханову.

В 1887 г. Плеханов тяжело заболел туберкулезом. Наследственная предрасположенность к этой болезни, сильное истощение организма и жестокая простуда сделали свое дело, и Георгий Валентинович оказался на краю могилы. Ситуация усугублялась тяжелейшим материальным положением его семьи, где было уже двое маленьких детей (вторая дочь, Евгения, родилась в 1883 г.). Однако самоотверженность жены,

бескорыстная помощь друзей, в первую очередь В. И. Засулич, забывшей о себе и ухаживавшей за больным Плехановым, П. Б. Аксельрода, а также известного писателя-народника С. М. Степняка-Кравчинского, целебный горный воздух Швейцарии и необыкновенная сила духа самого Георгия Валентиновича сотворили настоящее чудо: он не только поправился, но и смог возобновить работу. Благодаря появлению щедрого спонсора — русского адвоката Н. Г. Кулябко-Корецкого группа «Освобождение труда» смогла издать в 1888 г. первый сборник «Социал-демократ», где были напечатаны сразу несколько статей и рецензий Плеханова.

В 1889 г. Плеханов принял участие в международном социалистическом конгрессе в Париже, положившем начало Интернационалу. Приглашение на него было в известной мере авансом, поскольку связи группы «Освобождение труда» с Россией были еще крайне слабы. Однако Поль Лафарг настоял на том, чтобы его русские друзья вышли на международную арену. На конгрессе Плеханов выступил с краткой речью, которая произвела на большинство присутствовавших очень благоприятное впечатление. В ней он заявил, что революционное движение в России восторжествует только как движение рабочего класса, ибо «другого выхода у нас нет и быть не может»^{*}.

После окончания конгресса Плеханов и П. Б. Аксельрод побывали в Лондоне, где встретились с Энгельсом. Характерно, что в 1885 г., бегло познакомившись с книгой «Наши разногласия» и высказав ряд комплиментов в адрес русских марксистов, Энгельс, находившийся тогда в тесных дружеских отношениях с видными народолюбцами, еще солидаризировался с их террористической тактикой. Рассматривая политический переворот в России как детонатор общеевропейской пролетарской революции, он не считал нужным проявлять особую щепетильность в отношении средств достижения этой цели, предсказывая, что удачная акция «Народной воли» может дать, образно говоря, толчок сначала русскому 1789 г., а затем и 1793 г., когда на революционную арену во Франции вышли якобинцы. Но надеждам этим, как известно, не суждено было сбыться, и в 1888 г. Энгельс уже встретил Плеханова как человека, олицетворявшего будущее революционного движения в России. Их беседы были посвящены обсуждению множества теоретических и по-

^{*} Плеханов Г. В. Соч. Т. IV. М., 1924. С. 54.

литических вопросов, касались деятельности М. А. Бакунина и Ф. Лассаля. Из Лондона Плеханов приехал окрыленным, но судьба готовила ему новые тяжелые удары.

С марта 1889 по июль 1894 г. он вынужден был жить вдали от семьи, в маленькой деревушке Морне на территории Франции, поскольку швейцарские власти без всяких на то оснований обвинили его в связях с русскими анархистами. В начале 1894 г. умерла любимая четырехлетняя дочь Плеханова Машенька. Материальное положение семьи опять было катастрофичным. Вдобавок после резкого антицаристского выступления Плеханова на Цюрихском конгрессе II Интернационала в 1893 г., в котором прозвучали и новые осуждения в адрес заключившей военный и политический союз с Россией Франции, власти последней решили отказать ему в политическом убежище. Плеханов лихорадочно обдумывал планы переезда в Болгарию, Америку, Англию. С июля по ноябрь 1894 г. он пробыл вместе с Засулич в Лондоне, где снова встречался с Энгельсом. Лишь благодаря усилиям Розалии Марковны, остававшейся все это время с дочерьми в Женеве и сумевшей наконец завершить свое медицинское образование, а также ряда швейцарских друзей Плеханова ему разрешили вернуться в Женеву.

Плеханов устанавливает в это время широкие связи со многими руководителями социалистического движения в Западной Европе и США. Помимо Энгельса, который высоко ценил Плеханова как одного из самых образованных марксистов, среди его знакомых и корреспондентов были Каутский (их интенсивная переписка продолжалась с 1889 по 1913 г.), Вильгельм Либкнехт, Август Бебель, Франц Меринг, Клара Цеткин, Роза Люксембург, Жюль Гед, Поль Лафарг, Виктор Адлер, Эмиль Вандервельде, Димитрий Благоев и многие другие. Плеханов охотно выступал на страницах европейской, в первую очередь немецкой, социалистической печати, написал по заказу германских социал-демократов брошюру на очень актуальную в то время для международного социалистического движения тему «Анархизм и социализм» (1894). При этом Плеханова ценили на Западе не только как признанного авторитета по русским делам, но и как специалиста по вопросам истории философии и общественной мысли, глубокого знатока марксизма.

Но как бы ни был занят Георгий Валентинович международными делами, больше всего его беспокоила ситуация в России, которая пережила в 1891—1892 гг. страшный голод. Плеханов откликнулся на него статьей «Всероссийское разорение» и

брошюрой «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России». Он показал, что главная причина голода состоит не в стихийном бедствии, поразившем его родину, а в существовавших там общественных отношениях, в систематическом обескровливании деревни самодержавным государством, в страшной бедности российского крестьянина. Плеханов бичевал казнокрадство и бюрократическую волокиту чиновников, с горечью писал о бессилии земств помочь голодающим людям и предлагал развернуть широкое общественное движение за созыв всероссийского Земского собора, призванного заложить основы нового политического строя, без которого огромная страна постоянно будет стоять перед угрозой полного экономического разорения.

Плеханов не скрывал, что в будущем Земском соборе социал-демократы выступят за отмену всех выкупных платежей за землю по условиям реформы 1861 г., потребуют введения прогрессивного подоходного налога и будут добиваться «полной экспроприации крупных землевладельцев и обращения земли в национальную собственность»*. Охваченный якобинскими настроениями, которые периодически возвращались к нему вплоть до 1905 г., Георгий Валентинович видел для крестьян только один выход — бить своих эксплуататоров и брать у них силой все, что только можно взять. «Подобно немецким коммунистам сороковых годов, — писал он, — мы будем поддерживать всякое революционное движение, направленное против существующего порядка». Но никто не заставит нас спрятать свое собственное знамя и «раствориться» в какой-нибудь либеральной или радикально-оппозиционной партии. Напротив, задача состоит в том, чтобы собрать под марксистским знаменем все слои российского общества, само положение которых заставляет их колебаться между пролетариатом и буржуазией. И решение этой задачи, по мнению Плеханова, марксистам вполне по силам. Разумеется, продолжал он, не нужно преждевременно запугивать либерала революцией и социализмом, но и социал-демократов, в свою очередь, не нужно запугивать призраком «запуганного либерала», бегущего от революции, ибо, кроме вреда освободительному движению, такая тактика заигрывания с либерализмом ничего не принесет**.

* Плеханов Г. В. Соч. Т. III. М.; Л., 1928. С. 415.

** Там же. С. 413, 421.

В январе 1895 г. Плеханов вновь обосновался в Женеве и впервые в жизни получил наконец хорошие условия для своей литературной работы, чему помогли его издательские гонорары и стабильные заработки жены в качестве практикующего врача, в жизни Георгия Валентиновича произошло еще одно знаменательное событие. В Петербурге под псевдонимом Н. Бельтов была легально издана с помощью молодого марксиста А. Н. Потресова его большая книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», которая принесла ему большую популярность и широкое признание. В ней Плеханов с блеском защищал основы исторического материализма, полемизировал с Н. К. Михайловским и другими народниками с их «субъективным методом» в социологии. В частности, для Плеханова была совершенно неприемлема теория «героев и толпы», слишком завышавшая, по его мнению, роль личности в истории. Через несколько лет, в 1898 г., в петербургском журнале «Научное обозрение» была опубликована одна из его самых блестящих историко-философских работ «К вопросу о роли личности в истории», где он доказывал, что даже самая выдающаяся личность в конечном счете ограничена в своих действиях рамками объективных общественных закономерностей, имеет своих «дублеров» и отнюдь не всесильна.

Подобная концепция имеет сегодня и сторонников, и противников. Последние полагают, что Плеханов слишком упростил и схематизировал ситуацию, складывающуюся вокруг великих людей, роль которых значительно больше, чем это представлялось первому русскому марксисту. Однако трудно отрицать, что, не претендуя на универсальность, плехановский подход к данной проблеме, особенно в сфере политики, может дать вполне удовлетворительное объяснение многим фактам отечественной и всемирной истории.

Плехановское идейно-теоретическое наследие испытало все превратности более чем 70-летней истории советского государства. Его то отдаляли от официальной коммунистической идеологии, то сближали с ней, акцентировали внимание то на его близости с Лениным, то на разрыве с ним, объявляли то великим теоретиком, то лишь пропагандистом и популяризатором марксизма. Очень много писали и говорили о Плеханове в самые последние годы, причем спектр оценок его мыслей и поступков и в это время оставался очень широким — от признания его исторической правоты в спорах с Лениным до полного отрицания и осуждения всего марксизма.